

О ЛЮБИМОМ ТЕАТРЕ ГИМНАЗИСТА БЕЛЫНСКОГО

30 мая (11 июня) 1811 года, в крепости Свеаборг Великого княжества Финляндского, уже входившего тогда в состав Российской империи, в семье выпускника Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Григория Никифоровича Белынского и жены его Марии Ивановны появился на свет первенец Виссарион – будущий гениальный литературный и театральный критик, публицист, теоретик искусства. Через пять лет Григорий Никифорович, весь род которого принадлежал к коренному населению пензенского края и «самая его фамилия происходит от села Белынь», Нижнеломовского уезда, Пензенской губернии, где отец его Никифор служил приходским священником, перевёз семью в родные пенаты – в небольшой уездный городок Чембар. Здесь Виссарион окончил двухклассное училище и по совету известного в ту пору автора исторических романов И. И. Лажечникова в августе 1825 года поступил в Первую губернскую гимназию в Пензе. Тогда-то и произошла судьбоносная встреча, обнаружившая его истинный талант и призвание и перевернувшая всю его жизнь: юноша увлёкся театром!..

Театр помещика Гладкова

Трудно поверить, но 200 лет назад, в начале XIX в., Пензенская губерния после Москвы и Петербурга занимала третье место по количеству театров, а среди провинциальных городов и губерний – первое, что даже послужило поводом в шутку именовать её мордовскими Афинами. Правда, то были в основном домашние (крепостные) театры, которые функционировали в помещичьих усадьбах. Постоянных театров для публики в Пензе имелось лишь три. Самый крупный, универсальный и долговечный из них – надворного советника Григория Васильевича Гладкова, любимый театр гимназиста Белынского и наиболее часто им посещаемый.

История его берёт начало в 1806 году, когда «самый безобразный... безнравственный, жестокий, но довольно умный человек» Григорий Васильевич Гладков, хозяин имений во Владимирской, Нижегородской, Пензенской и Саратовской губерниях, основатель первого в уезде винокуренного завода, откупщик и содержатель питейных заведений, будучи обуреваем жадой обогащения, обратился к губернатору Ф. Л. Вигелю с прошением о дозволении открыть в Пензе первый общедоступный театр. Получив разрешение, предприимчивый винокур соорудил на городской площади театральное здание на 25 лож и около 300 мест в партере и на галерее, где на суд зрителей в течение 23 лет будут представлять «разные пиесы... комедии, дивертиссманы, оперы, драмы и трагедии».

В 1821 году, после смерти Григория Васильевича, театр наследует его сын – Василий Гладков, за необузданный нрав и жестокосердие прозванный Буяновым. По воспоминаниям современников, «фигура его была крайне непривлекательна и носила печать праздной и беспутной жизни небольших помещиков того времени. Он очень походил на цыгана... черный от природы... багровый от постоянных кутежей... Во всех его манерах было что-то зверское, отталкивающее». Кроме театра, преуспевающий коммерсант имел ковровое и полотняное заведения, кабаки, кирпичный и винокуренный заводы.

«Мы певцы и музыканты, акробаты и шуты...»

Поначалу, при первом владельце, дела в театре шли из рук вон плохо. Однако со временем, помимо крепостных актеров, в труппе появляются вольнонаемные лицедеи, а также чиновники, семинаристы, среди которых было немало разносторонне одаренных людей. В результате в театре Гладкова заметно возрос общий уровень профессионального мастерства. Свидетельство тому – исполняемый актёрами репертуар. Какими незаурядными способностями нужно было обладать, чтобы отрепетировать и представить в сезон 55 различных «пиес»! Причем абсолютное большинство их игралось лишь по одному разу, а некоторые спектакли требовали умения читать стихи, танцевать, играть на музыкальных инструментах, воплощать различные волшебные эффекты и превращения. Улучшилось и оформление спектаклей. В 20-е годы один из современников отзывался о гладковском детище как «о самом редком из всевозможных театров», «оригинальном» и «замечательном». И даже не раз наблюдал у его здания толпу фанатов, осаждающих кассу.

Звёзды гладковского театра

В бытность свою пензенским губернатором (с 1816 по 1819 г.) М. М. Сперанский в письме к дочери с восторгом сообщал: «Театр наш сделал сущее приобретение в актере из петербургского театра Супрунове. Это – чудо. Я долго не понимал, как с ним расстались, – объяснилось тем, что он пьет запоем. Но, когда не пьян, - играет прекрасно».

Помимо Супрунова, звездой первой величины в труппе Гладкова в ту пору был крепостной Григорий Сулейманов, или «Гришка - отчаяннейший из всех существовавших трагиков». На сцене он отличался преувеличенной мимикой, широкими жестами и громкой декламацией. Особенный успех имела пьеса «Отец и дочь», где «Гришка» в роли «сумасшедшего отца, бледный и страшный... неистово врывался на сцену... начинал реветь, потрясать цепями и ворочать глазами страшнейшим образом». Наряду с «раздирательными» ролями первому трагику часто поручали разносить театральные билеты по домам чиновников, за что последние ублажали его полтинниками. Многие

признавали в нем действительный талант, подавленный почти непрерывным пьянством.

Чрезвычайно популярен у зрителей был и Бурдаев – обладатель великолепного, густого и зычного баса, страстный любитель сцены и талантливый актер. «Трагичность Бурдаева была естественная, а потому благородная и изящная... Он был столоначальник гражданской палаты... и человек весьма почтенный... Служение его драматическому искусству едва ли не было совершенно бескорыстно и истекало... из любви к театру. Одним словом, Бурдаев был царь пензенской сцены».

Женский актерский состав был полностью крепостной.

Любимый театр гимназиста Бельинского

Среди самых горячих поклонников гладковского театра 20-х годов XIX века был юный Виссарион Бельинский. Во время учебы в Пензенской 1-й мужской гимназии, что находилась на углу улиц Троицкой и Никольской (ныне – здание Литературного музея на ул. Кирова, 2), будущий критик, страстно увлеченный театральными зрелищами, несмотря на скудость средств и постоянную нехватку денег, все-таки находил возможность посещать спектакли общедоступного театра Гладкова. Впоследствии, преисполненный восторга и вдохновения, в одной из своих статей он признается: «Театр! Театр! Каким магическим словом был ты для меня во время оно! Каким невыразимым очарованием потрясал ты... все струны души моей... В тебе я видел весь мир, всю вселенную со всем их разнообразием, великолепием... заманчивой таинственностью!.. Даже и днем, если случится пройти мимо безобразного и неопрятного театра в губернском городе, с каким благоговейным чувством смотришь... на этот «великолепный» храм искусства... снять перед ним шапку как-то стыдно при людях, а остаться с покрытой головою казалось непрослительною дерзостью. В каждом актере я думал видеть существо высшее и счастливое...».

«Бил не на живот, а на смерть»

Создавая этот великолепный гимн театру, В. Г. Белинский, конечно же, многое знал о тяжелой участи артистов губернского балагана. Однако вряд ли догадывался об истинных масштабах жестокости и произвола дикого и необузданного крепостника Гладкова. Бесправные его лицедеи представляли собой «страдальческие фигуры», у которых «на лицах, сквозь румяны и белила, были иногда заметны синие пятна». Изо дня в день пьяный самодур поносил их площадной бранью, не давал платья, морил голодом, набрасывался с кулаками и «бил не на живот, а на смерть». В то время, когда на сцене «какой-нибудь царь или герой, в лице Бурдаева или крепостного Григория, ревел на кого-нибудь из своих подданных, Гладков, не стесняясь, изрыгал громы на этого царя или героя и называл его дураком или скотиной!» А то вдруг

срывался с места и грозно летел на сцену, чтобы учинить «немедленную расправу с тем или другим артистом посредством пощечин и зуботычин».

Лучшей певицей в труппе слыла Саша – по свидетельству современников, бесправная мученица, «любовница барина». Её пьяный самодур однажды так «рассек, что она долго не могла ни ходить, ни сидеть, ни лежать».

Предложили покаяться

Многие годы жаловались властям жертвы бесправия, писали в различные инстанции возмущенные очевидцы. В сентябре 1829 года актер В. Г. Гладкова Петр Карманов бежит в Кузнецк для принесения жалобы на нестерпимые притеснения крепостника, потому что в Пензе «все попытки добиться правды... кончались тем, что жалобщиков били по щекам и секли розгами до крови». В суде он рассказал о жестоком обращении Гладкова с крестьянами, отчего шестеро бежали и возымели намерение убить самодура. А также признался, что «помещик, разлучив его с женой, имеет с нею и со всеми дворовыми девками своими любоддеяние по принуждению, назначая им очередь...».

Благодаря вмешательству Николая Александровича Радищева, сына знаменитого на всю Россию автора «Путешествия из Петербурга в Москву», дело получило широкую огласку. Дошло до того, что шеф жандармов и одновременно Главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Х. Бенкендорф вынужден был доложить о «произволе и жестокости пензенского помещика Гладкова и о потворстве ему губернского начальства» министру юстиции Д. В. Дашкову и даже самому царю... Однако В. Г. Гладков, имея связи в Москве и Петербурге, при полной обоснованности обвинений в разврате, разорении и истязании крепостных, в том числе и актеров, остался почти безнаказанным. Преступнику было предписано церковное покаяние.

Вместо эпилога

В конце 1829 года у наследников Василия Гладкова имение в Пензе решено было взять под опеку, а театр отдать на откуп некоему господину С-ву. Вскоре он разорился и часть крепостных актеров перешла в профессионалы. Что до здания театра, то оно ветшало, разрушалось и, наконец, превратилось в «черный, заколдованный дом, населенный большим обществом злых духов и привидений». Пензенские обыватели на всякий случай старались обходить его стороной...

Такова печальная судьба театра, который столько лет радовал и вдохновлял гимназиста Бельнского, ставшего впоследствии гордостью и славой российской культуры.